

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-108-117
УДК 336.01(045)
JEL G01, G20

Методические аспекты идентификации банковских кризисов

О.В. Лукачева,
экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2578-4273>

АННОТАЦИЯ

Основным недостатком существующих методик идентификации банковских кризисов является их зависимость от субъективных экспертных суждений, в связи с чем базы данных по кризисам имеют расхождения в датировке и продолжительности кризисных эпизодов. Однако существует более объективный способ – использование индекса давления денежного рынка (IMB), основанного на показателях, предоставленных статистическими органами. В своей работе автор исследует индексную методику von Hagen и Но (2007 г.) и методику Laeven и Valencia (2012 г.), включающую оценочные суждения. Цель работы – выявить наиболее точную и тонко реагирующую на банковские кризисы методику на примере банковского сектора России за 1998–2016 гг. Данное исследование выполнялось поэтапно. Во-первых, была дополнена база данных по кризисам Laeven и Valencia по России с 2011 по 2016 г. Во-вторых, построен индекс давления денежного рынка (IMB) для банковского сектора России за период 1998–2016 гг. На заключительном этапе были сопоставлены кризисные эпизоды, выявленные с помощью двух указанных методик, которые одновременно идентифицируют кризисы 1998 и 2009 гг. Однако кризис 2014–2016 гг. был выявлен только с помощью критериев Laeven и Valencia. Подобное расхождение можно объяснить недостатками индексной методики, которая не учитывает скрытые гарантии и прямую поддержку со стороны государства. Более того, гипотеза о том, что банковский кризис имел место в 2014–2016 гг., была подтверждена с помощью критериев Demirgüç-Kunt и Detragiache (2005 г.), а также индекса финансового стресса, предложенного АКРА. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при идентификации банковских кризисов наиболее приемлемо использовать методику Laeven и Valencia.

Ключевые слова: системный банковский кризис; идентификация кризиса; индекс давления денежного рынка; государственная поддержка банков

Для цитирования: Лукачева О.В. Методические аспекты идентификации банковских кризисов. *Мир новой экономики*. 2018;12(3):108-117. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-108-117

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-108-117
UDC 336.01(045)
JEL G01, G20

Methodological Aspects of Identification of Banking Crises

O.V. Lukacheva,

Department of Economics
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2578-4273>

ABSTRACT

The main drawback of the existing methods of identification of banking crises is their dependence on subjective expert judgments, in connection with which, databases on crises have differences in the date and duration of crisis episodes. However, there is a more objective way to do it – the use of the money market pressure index (MPI), based on the indicators provided by the statistical authorities. In his work, the author explored the von Hagen & Ho (2007) index method and Laeven & Valencia (2012) method, which includes evaluative judgment. The aim of our work was, on the example of the banking sector of Russia for 1998–2016, the identification of the most accurate and sensitive methodology for assessment of banking crises. This study was carried out in stages. First, it was supplemented Laeven & Valencia the database on the crises in Russia from 2011 to 2016. Second, it was built the money market pressure index (MPI) for the Russian banking sector for the period 1998–2016. At the final stage, the author compared the crisis episodes, identified using these two methods, which simultaneously identify the crises of 1998 and 2009. However, the crisis of 2014–2016 was identified only by the Laeven & Valencia criteria. This discrepancy can be explained by the shortcomings of the index methodology, which does not take into account hidden guarantees and direct support from the state. Moreover, the hypothesis that the banking crisis took place in 2014–2016 was confirmed by the Demirgüç-Kunt & Detragiache criteria (2005), as well as the financial stress index proposed by ACRA (ACRA FSI RU). Thus, it can be concluded that it is most acceptable to use the Laeven & Valencia methods when identifying banking crises.

Keywords: systemic banking crisis; identification of crisis; money market pressure index; state support of banks

For citation: Lukacheva O.V. Methodological aspects of identification of banking crises. *Mir novoi ekonomiki* = Word of the new economy. 2018;12(3):108-117. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-108-117

ВВЕДЕНИЕ

В связи с мировой финансовой нестабильностью возобновился интерес к причинам и последствиям банковских кризисов [1, с. 2]. В отличие от экономических спадов и рецессий, для которых существуют точные формулировки и определения¹, общепринятое понятие системного банковского кризиса в экономической литературе отсутствует [2]. Последние фундаментальные исследования банковских кризисов базируются на следующих источниках: Caprio и соавт. (1996, 2005 гг.), Demirgüç-Kunt and Detragiache (1998, 2002, 2005 гг.), von Hagen and Ho (2007 г.), Reinhart

and Rogoff (2009 г.), Laeven and Valencia (2008, 2010, 2012 гг.)². Авторы этих статей оперируют различными определениями банковских кризисов, что обуславливает и разные подходы к датировке и идентификации банковских кризисов. В статье О. Мариева приводится сравнительная статистика различий в датировке банковских кризисов между исследованиями Caprio, Klingebiel (1999 г.) и Lindgren, Garcia, Saal (1996 г.). Только в 45% слу-

² В скобках указаны годы выхода статей (цикла статей), в которых указанные авторы развивали свои идеи относительно критериев идентификации банковских кризисов. Стоит отметить, что существуют и другие более поздние исследования банковских кризисов. Однако они так или иначе базируются на рассматриваемых источниках и не предлагают концептуально нового подхода.

¹ Экономическая рецессия — событие, когда два квартала подряд наблюдается отрицательный рост реального ВВП.

чаев датировка и длительность банковских кризисов, указанных в двух базах данных, совпали. Другие 55% кризисных эпизодов не соответствовали друг другу либо в продолжительности, либо в датировке. Также были зафиксированы случаи, когда кризис проявил себя только в одной из баз данных [3, с. 163].

Эти различия в выявлении и датировании банковских кризисов могут иметь значительные последствия. Например, продолжительность кризисов играет важную роль в оценке потерь банковского сектора в результате финансового потрясения. Также это может вызвать неоднозначность в определении причин кризисов. Например, различия в датировке могут привести к различным выводам относительно того, был кризис вызван внутренними проблемами финансового сектора или же внешними факторами (например, ухудшение общих экономических условий). Другим возможным последствием является то, что модели раннего предупреждения для прогнозирования кризисов могут давать ненадежные сигналы, если используются неточные и непоследовательные даты [4, с. 25].

Тот факт, что определения и даты банковских кризисов отличаются в разных исследованиях, обсуждался ранее, однако большинство эмпирических исследований банковских кризисов просто отметили различия и предпочли одну или другую базу данных. Авторы полагаются на несколько критериев для определения возникновения банковского кризиса, часто — в сочетании с экспертными оценками. Другой подход заключается в том, что исследователи не признают существующие индикаторы банковских кризисов, а вводят свои альтернативы. Например, von Hagen and Ho (2007) для выявления банковских кризисов предлагают индекс, основанный на давлении денежного рынка. Данный подход имеет высокую степень объективности, так как опирается не на экспертные оценки, а на фактические показатели денежного рынка, представленные органами статистики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ БАНКОВСКИХ КРИЗИСОВ

В экономической литературе также была предпринята попытка выяснить, какая из широко используемых методик идентификации банковских кризисов дает наиболее достоверные и объективные результаты.

В своем исследовании Chaudron and de Haan (2014 г.) сравнили три базы данных по банковским кризисам — Caprio и соавт. (2005 г.), Reinhart and Rogoff (2009 г.), Laeven and Valencia (2008, 2012 гг.) — и пришли к выводу, что полученные оценки начала и продолжительности банковских кризисов очень разнятся. Авторы решили минимизировать влияние субъективных суждений и при анализе банковских кризисов опирались исключительно на количественные данные о потерях финансовых учреждений, которые были понесены ими в результате банкротства (или в качестве альтернативы рассмотрели масштаб государственной поддержки пострадавшим банкам). На примере четырех кризисов авторы показали, что база данных банковских кризисов, составленная Laeven and Valencia, является наиболее точной [5, с. 21].

Согласно методике Laeven and Valencia (2012) банковский кризис — это событие, которое удовлетворяет двум условиям:

1. Наблюдаются существенные признаки тяжелого финансового положения в банковской системе (паника вкладчиков, набеги на банки, значительные потери в банковской системе и/или ликвидации банков).

2. Наблюдаются значительные меры государственного вмешательства в ответ на значительные потери в банковской системе.

Одновременное выполнение двух критериев свидетельствует о начале системного банковского кризиса. Использовать исключительно первый критерий нецелесообразно, поскольку не всегда можно количественно оценить степень финансового потрясения в банковской системе.

Меры государственного вмешательства в банковский сектор можно квалифицировать как «значительные», если соблюдаются три из шести условий:

1. Заморозка депозитов/банковские каникулы.
2. Значительная национализация банков.
3. Валовые расходы на реструктуризацию банков ($\geq 3\%$ ВВП).
4. Расширенная поддержка ликвидности.
5. Значительные гарантии.
6. Существенное приобретение активов ($\geq 5\%$ ВВП) [6, с. 4].

Совершенно иной взгляд на идентификацию банковских кризисов представлен в работе von Hagen and Ho (2007 г.). Авторы выдвигают предположение о том, что совокупный спрос банковского сектора на резервы центрального банка отрицательно зависит от краткосрочной процентной

ставки, отражающей альтернативную стоимость хранения резервов. Главная гипотеза заключается в том, что банковский кризис характеризуется резким увеличением совокупного спроса банковского сектора на резервы центрального банка из-за дефицита ликвидности. Центральный банк как монополист банковских резервов может реагировать на эти события двумя способами. Если резервы центрального банка являются операционным ориентиром денежно-кредитной политики, то предложение резервов будет постоянным, а краткосрочная процентная ставка будет повышаться. В противном случае центральный банк будет поддерживать уровень краткосрочной процентной ставки и введет дополнительные резервы в банковский сектор посредством операций на открытом рынке или кредитования по дисконтным окнам.

Таким образом, банковский кризис в целом характеризуется резким повышением краткосрочных процентных ставок, резервов центрального банка или того и другого, что свидетельствует о высокой степени напряженности на денежном рынке. Основываясь на этих рассуждениях, von Hagen and Но предложили индекс давления денежного рынка (Index of Money Market Pressure, IMP). Авторы вводят индекс γ — отношение резервов центрального банка к общим депозитам банковской системы. В период высокого напряжения на денежном рынке это соотношение увеличивается либо потому, что центральный банк создает дополнительные резервы для банковской системы, либо потому, что вкладчики выводят свои средства из банков. Мы определяем индекс давления денежного рынка как средневзвешенное изменение соотношения резервов к банковским депозитам и изменений в краткосрочной реальной процентной ставке. Весовые коэффициенты представляют собой выборочные стандартные отклонения этих двух компонентов. Таким образом, индекс определяется как

$$IMP_t = \frac{\Delta \gamma_t}{\sigma_{\Delta \gamma}} + \frac{\Delta r_t}{\sigma_{\Delta r}},$$

где $\Delta \gamma_t$ — изменение отношения резервов ЦБ к депозитам банковской системы; Δr_t — изменение краткосрочной реальной процентной ставки; $\sigma_{\Delta \gamma}$ и $\sigma_{\Delta r}$ — среднеквадратические отклонения описанных величин. Высокое значение представленного индекса сигнализирует о кризисной напряженности в банковском секторе [7, с. 1043].

СОПОСТАВЛЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИДЕНТИФИКАЦИИ БАНКОВСКИХ КРИЗИСОВ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

В данном исследовании мы дополнили базу данных по банковским кризисам Laeven and Valencia (2012 г.) по России с 2011 по 2016 г. Для этого мы проанализировали степень поддержки ликвидности, валовые расходы на реструктуризацию банков, объем гарантий и покупок активов со стороны государства, а также проверили, имели ли место за наблюдаемый период заморозка депозитов, набег на банки либо значительная национализация (табл. 1).

В течение 2011–2016 гг. наблюдалась нестабильность в сберегательном поведении населения (рис. 1). Скачок прироста вкладов физических лиц в 2015 г. стал реакцией на поведение регулятора и коммерческих банков после введения санкций, направленных на предотвращение бегства вкладчиков. Повышение ключевой ставки и автоматическое последовательное повышение ставок по депозитам привело к тому, что вкладчики закрывали свои вклады в одном банке и несли в другой под гораздо более высокий процент (или делали то же самое, оставаясь в своем банке). Банки были вынуждены работать в чрезвычайных условиях. В результате около 10% российских банков в 2015–2016 гг. задерживали выплаты вкладов и приостанавливали кредитные и валютно-обменные операции [8, с. 548].

Ключевой тенденцией последних 5 лет является стремительное сокращение числа кредитных организаций. За последние 5 лет банковская система сжалась более чем на 40%, что повлияло на степень доверия вкладчиков, которые переориентировались с мелких и средних банков на крупные, преимущественно с государственным участием. По данным «Эксперт РА», доля банков, контролируемых государством, в совокупных активах ежегодно растет и уже в 2014 г. превысила 50% (http://www.raexpert.ru/researches/banks/banks_2014/part2) (рис. 2).

В настоящее время национализация банковского сектора проходит не только за счет отзыва лицензий у частных банков, но и в результате нового механизма санации. Процедура оздоровления стала способом огосударствления банковского сектора экономики, так как в это время saniруемый банк находится на балансе Центрального банка и именно регулятор является его собственником.

Таблица 1 / Table 1

Сводная таблица проверки критериев Laeven and Valencia (2012 г.) для российского банковского сектора, 2011–2016 гг. / Pivot table of Laeven & Valencia criteria verification (2012) for the Russian banking sector, 2011–2016

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Набег на банки/заморозка депозитов	×	×	×	×	✓	×
Значительная национализация банков	×	×	×	✓	✓	✓
Валовые расходы на реструктуризацию банков	×	×	×	✓	✓	×
Расширенная поддержка ликвидности	×	✓	✓	✓	✓	✓
Значительные гарантии	×	×	×	×	×	×
Значительное приобретение активов	×	×	×	×	×	×
Итог	×	×	×	Пограничный случай	Кризис	Пограничный случай

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

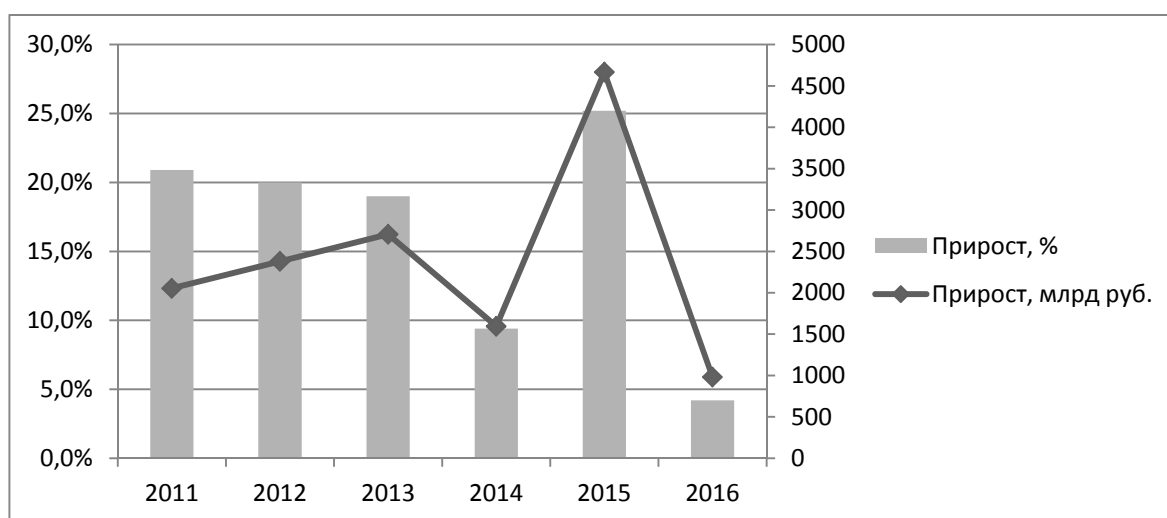

Рис. 1 / Fig. 1. Прирост вкладов физических лиц (млрд руб., %, за год) / Growth of deposits of the private persons (billion rubles, %, yearly)

Источник / Source: данные Банка России / Bank of Russia data.

Валовые расходы на реструктуризацию банков (по крайней мере, 3% от ВВП) определяются как суммарные финансовые затраты, направленные на реструктуризацию, рекапитализацию и поддержку банковского сектора. Наиболее значительные объемы средств вливались в банковскую систему в 2013–2015 гг. Данные расходы можно условно разделить на издержки по оздоровлению проблемных банков и поддержку существующих кредитных

организаций. По данным АСВ, чуть более 1 трлн руб. ушло на спасение обанкротившихся банков в 2013–2015 гг. В это же время Правительство в виде ОФЗ передало АСВ 1 трлн руб. для рекапитализации крупнейших работающих российских банков, из которых фактически 837 млрд руб. были направлены на стабилизацию ситуации в кредитных организациях (<https://www.asv.org.ru/sanation/banks/>). Другие государственные структуры (преимущественно

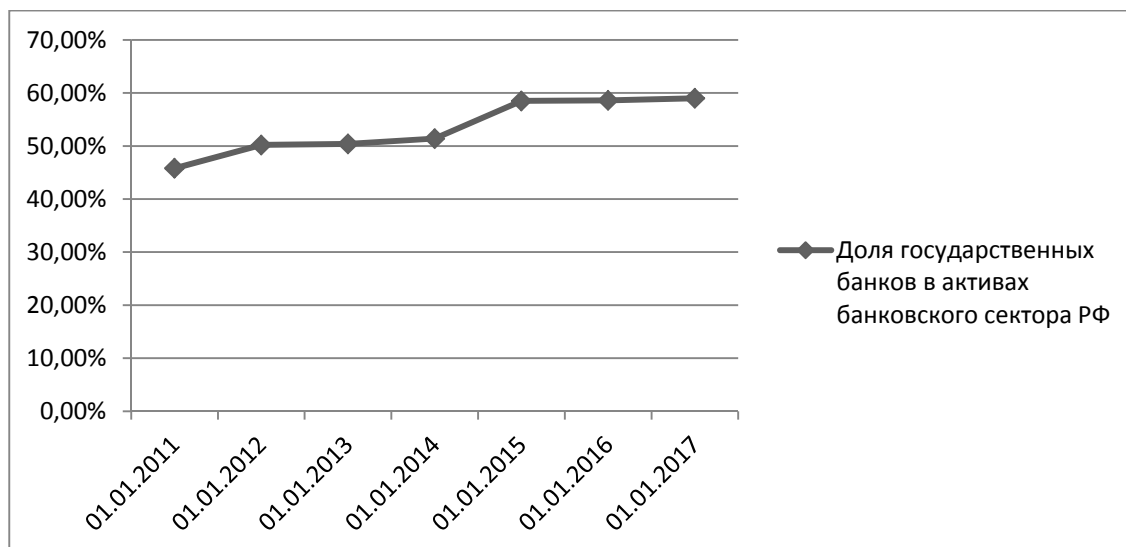

Рис. 2 / Fig. 2. Доля банков, контролируемых государством, в совокупных активах банковского сектора, % / Share of state-controlled banks in total assets of the banking sector, %

Источник / Source: «Эксперт РА», Банк России / Expert RA, the Bank of Russia.

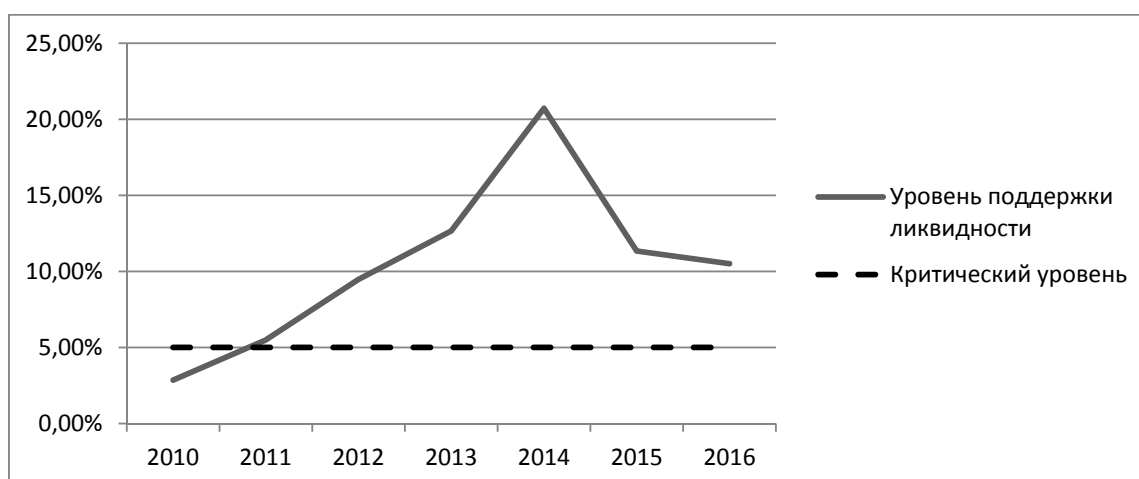

Рис. 3 / Fig. 3. Уровень поддержки ликвидности, % / The level of liquidity support, %

Источник / Source: IFS IMD Data, составлено автором / IFS IMD Data, compiled by the author.

Фонд национального благосостояния) выделили на поддержку банковского сектора около 880 млрд руб. Таким образом, суммарные расходы на поддержание работоспособности банковской системы составили 2,7 трлн руб. за три года, или 3,4% ВВП³, что превышает критический 3%-ный уровень.

Уровень поддержки ликвидности рассчитывается как отношение требований Центрального банка к кредитным организациям, общим депозитам

и обязательствам перед нерезидентами. Полученное значение должно превышать 5% и быть вдвое больше докризисного уровня, чтобы его можно было квалифицировать как «значительное». С учетом предложенных критериев, в область критических значений попадает временной интервал с 2012 по 2016 г. (рис. 3). Несмотря на то что уровень поддержки ликвидности в 2011 г. превышал 5%-ный порог, однако он не был вдвое выше докризисного уровня 2010 г. Стоит заметить, что показатель достиг своего пикового значения (20,72%) в 2014 г. и далее пошел на спад (<http://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B>).

³ В подсчет валовых расходов на реструктуризацию банков не включены выплаты вкладчикам обанкротившихся банков, их примерный объем составил 750 млрд руб.

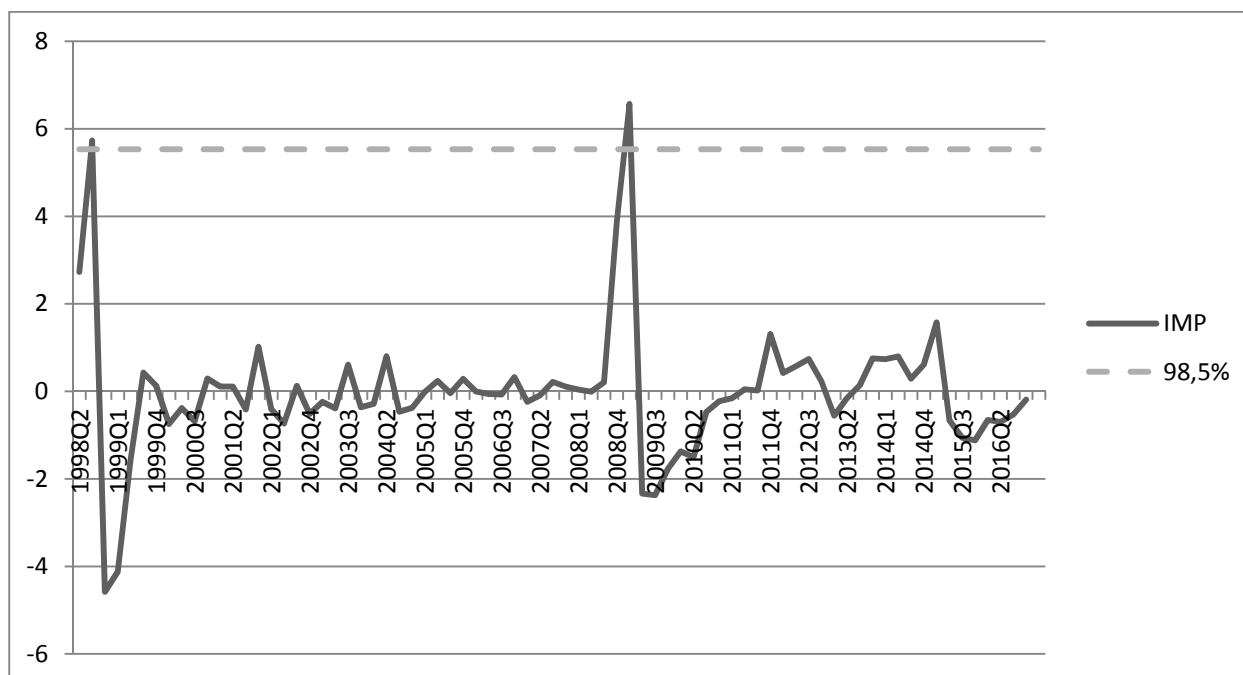

Рис. 4 / Fig. 4. Индекс давления денежного рынка Von Hagen and Ho (2007 г.) за период Q2'98-Q4'16 / Money market pressure index of Von Hagen and Ho (2007) for Q2'98-Q4'16

Источник / Source: IFS IMD Data, составлено автором / IFS IMD Data, compiled by the author

Сделаем вывод: проверка критериев, предложенных Laeven and Valencia, показала, что 2014–2016 гг. стали для российского банковского сектора кризисными. Детализируя, необходимо отметить, что 2014 г. можно отнести к пограничному случаю, так как в чистом виде выполнялись только 2 критерия — значительная национализация и расширенная поддержка ликвидности. С 2016 г. ситуация аналогичная. Расходы на реструктуризацию — это тот критерий, по которому нет определенности, так как не проведена четкая граница между объемами средств, потраченных на поддержку банковского сектора в 2014–2015 гг. Известно лишь, что основная часть затрат была осуществлена в 2015 г., поэтому 2015 г. квалифицируется как банковский кризис.

На рис. 4 представлена диаграмма индекса давления денежного рынка *IMP* для российского банковского сектора за период со II квартала 1998 г. по IV квартал 2016 г. Динамика индекса дает представление о кризисных эпизодах на банковском рынке. Так, за рассматриваемый период кривая индекса превышает пороговый 98,5%-й процентиль на двух участках, соответствующих III кварталу 1998 г. и I кварталу 2009 г. (пунктирная линия). Таким образом, выполняется первый критерий, который маркирует время наступления «исключительных» событий в банковском секторе. Далее мы проверяем

второй критерий — начала банковского кризиса, а именно превышение индекса *IMP* не менее чем на 5% по сравнению с предыдущим периодом. Данное условие также выполняется для выделенных временных моментов. Полученный результат не противоречит логике развития исторических событий. Как известно, 1998 г. соответствует масштабному экономическому кризису, охватившему Россию, в то время как 2009 г. считается периодом, когда глобальный финансовый кризис перекинулся на российскую экономику [9].

При наложении кризисных эпизодов, которые были определены с помощью критериев Laeven and Valencia, на индекс *IMP* можно сделать вывод о том, что эти две методики не противоречат друг другу в двух случаях из трех. Одновременно они идентифицируют кризисы 1998 и 2009 гг., причем индекс определяет момент наступления кризисного события с точностью до квартала. Однако он не обнаружил даже каких-то признаков кризисной ситуации в российском банковском секторе в 2014–2016 гг.

Причиной такого несоответствия может быть участие государства в поддержке банковского сектора (как в форме прямой финансовой помощи, так и в форме национализации). Если государственные учреждения предоставляют скрытые гарантии или

Таблица 2 / Table 2

Проверка критериев Demirgüç-Kunt и Detragiache (2005 г.) на примере банковского сектора России за 2014–2016 гг. / Checking the Demirgüç-Kunt & Detragiache (2005) criteria on the example of the Russian banking sector for 2014–2016

Критерии Demirgüç-Kunt & Detragiache	Значение	Комментарий
Доля просроченных кредитов <i>i</i>	От 3,5 до 6,7% от общего объема кредитов	У крупных частных банков доля просроченной задолженности в общем портфеле кредитов составляла 11,6%
Поддержка государства <i>i</i>	3,4% ВВП за 3 года	Преимущественно в 2015 г.
Национализация банковского сектора	С 2014 г. доля государства в банковском секторе >50% и растет	Активный отзыв лицензий у частных банков; постановка на баланс регулятора saniруемых банков
Набег на банки/меры, сдерживающие набег	Около 10% банков задерживали выплаты вкладов	Шок на рынке вкладов в 2015 г.

Источник / Source: Банк России / the Bank of Russia.

прямые финансовые вливания, то оттока вкладов может и не наблюдаться (как и было в 2014–2016 гг.), а банки не сворачивают кредитную деятельность, так как уверены, что государство их выручит в случае форс-мажорных обстоятельств. Как результат, банкам не придется повышать спрос на резервы ЦБ даже при острой нехватке ликвидности. Таким образом, индекс IMP не покажет никакого сигнала о завуалированном кризисном эпизоде. В нашем случае банковский кризис 2014–2016 гг. не был обнаружен индексной методикой из-за того, что в индексе не были учтены валовые расходы на реструктуризацию со стороны государства, фактор усиления национализации банковского сектора, а также эпизод, связанный с приостановкой депозитных и кредитных операций у 10% банков вследствие метания вкладчиков. К недостаткам индекса IMP можно отнести также, что он некорректно идентифицирует современные кризисы, вызванные проблемами с активами банка; неприменим к банковской сфере, где процентные ставки контролируются Центральным банком; не определяет момент окончания банковского кризиса; не обнаруживает небольшие банковские кризисы, вызванные банкротством нескольких банков, так как при них спрос на резервы ЦБ несущественно возрастает; не определяет кризис, когда государство заявляет о финансовой поддержке проблемных банков.

Чтобы сделать однозначный выбор в пользу методики Laeven and Valencia, необходимо точно убе-

диться, что банковский кризис 2014–2016 гг. имел место. Для большей определенности сопоставим фактические характеристики банковского сектора России с количественными критериями (табл. 2), предложенными ведущими экономистами Всемирного банка и Международного валютного фонда Demirgüç-Kunt и Detragiache (2005 г.) [10, с. 9].

Гипотеза о том, что в России в 2014–2016 гг. произошел банковский кризис, подтверждается, так как выполняется хотя бы одно условие по методике Demirgüç-Kunt и Detragiache. Аналитики Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) предлагают добавить к имеющимся критериям идентификации банковских кризисов еще одну формулировку, а именно — потенциальный объем «дыр» в капитале. С помощью эконометрического анализа специалисты оценили масштаб «дыр» в капиталах обанкротившихся банков и пришли к выводу, что в период с 06.2013 по 10.2016 г. у 183 банков была обнаружена «дыра» в капитале размером в 1683 млрд руб., или 2,1% ВВП [11, с. 166].

Более того, индекс финансового стресса, разработанный АКРА, также свидетельствует в пользу того, что в 2008–2009 и 2014–2016 гг. в России произошел финансовый кризис. Значения индекса, превышающие отметку 2,5, можно интерпретировать как состояние финансовой нестабильности (рис. 5).

Таким образом, обобщая выводы, полученные путем сопоставления зарубежных и отечественных

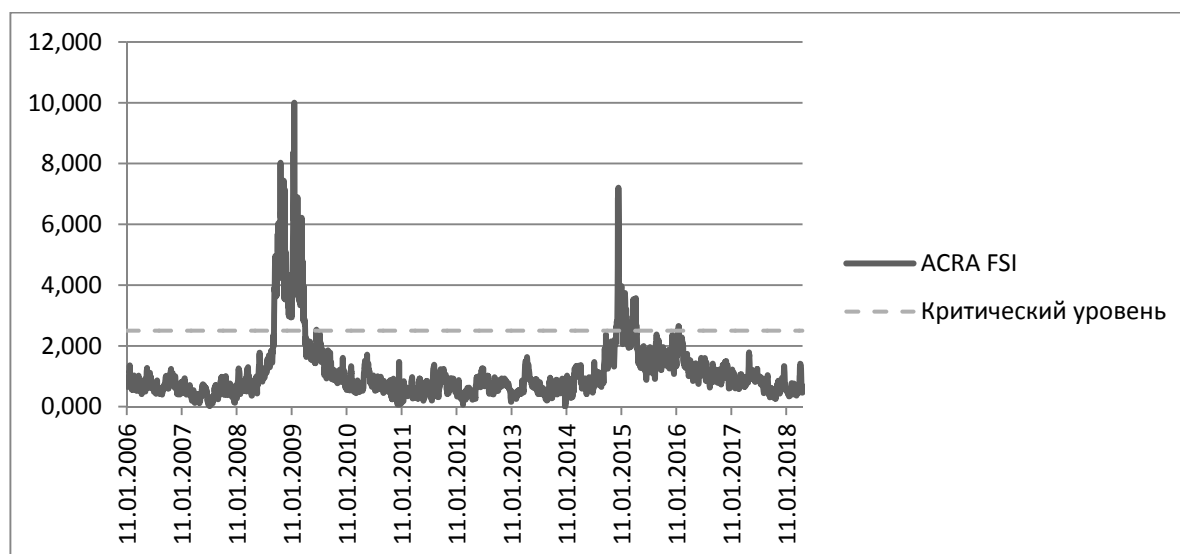

Рис. 5 / Fig. 5. Индекс финансового стресса для России за 11.01.2006–28.04.2018 /
An index of financial stress for Russia for 11.01.2006–28.04.2018

Источник / Source: АКРА / ACRA.

исследовательских подходов к идентификации банковских кризисов, можно заключить, что в России в 2014–2016 гг. произошел банковский кризис. Следовательно, методика Laeven and Valencia выдержала верификацию в контексте российской банковской системы и была признана лучшей для определения кризисных эпизодов в банковском секторе по сравнению с индексной методикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день не существует универсального определения банковских кризисов. Многие исследователи используют количественные и качественные параметры, чтобы зафиксировать начало коллапса в банковском секторе, но

все подходы имеют недостатки. В рамках данной работы стояла задача выявить лучшую методику идентификации банковских кризисов из фундаментальных исследований, посвященных этой теме. В частности, был сопоставлен индекс давления денежного рынка von Hagen and Ho с банковскими кризисами, которые удалось идентифицировать с помощью критериев, предложенных Laeven and Valencia. Основной вывод работы заключается в том, что методика Laeven and Valencia в контексте российской банковской системы лучше и точнее идентифицирует банковские кризисы, так как учитывает фактор прямой и косвенной поддержки государства, который не улавливает индекс *IMP*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kilian H. The Persistence of a Banking Crisis. *CEP Discussion paper*. 2015;(1389):1–59.
2. Хлопунова М. В. Теоретические аспекты банковских кризисов: сущность, классификация, причины возникновения. *Дайджест-Финансы*. 2016;21(3):12–22.
3. Мариев О. С., Глушенкова М. А., Трофимов А. А. Совершенствование методических подходов к идентификации банковских кризисов. *Вестник УРФУ. Серия экономика и управление*. 2013;(4):161–171.
4. Claessens S., Kose A. Financial crisis: Explanations, Types, and Implications. *IMF Working Paper*. Washington. 2013;(13/28):1–65.
5. Chaudron R. and de Haan J. Identifying and Dating Systemic Banking Crises Using Incidence and Size of Bank Failures. *De Nederlandsche Bank Working Paper*. 2014;(406):1–28.
6. Laeven L. and Valencia F. Systemic Banking Crises: An Update. *IMF Working Paper*. Washington. 2012;(12/163):1–32.
7. Von Hagen J. and Ho, T-K. Money Market Pressure and the Determinants of Banking Crises. *Journal of Money, Credit and Banking*. 2007;39(5):1037–1066.

8. Хольнова Е.Г. Системные банковские кризисы как неизбежное следствие кризиса глобализации экономики. Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. Материалы XVII Международных Лихачевских научных чтений. СПб.: СПбГУП; 2017.
9. Дубинин С.К. Российская банковская система — испытание кризисом. *Деньги и кредит*. 2015;(1):9–12.
10. Demirgüç-Kunt A. and Detragiache E. Cross-Country Empirical Studies of Systemic Bank Distress: A Survey. *IMF Working Paper*. 2005;96(5):1–32.
11. Мамонов М. «Дыры» в капитале обанкротившихся российских банков: старые факторы и новые гипотезы. *Экономическая политика*. 2017;12(1):166–199.

REFERENCES

1. Kilian H. The Persistence of a Banking Crisis. *CEP Discussion paper*. 2015;(1389):1–59.
2. Khlopunova M. V. Theoretical aspects of banking crises: Nature, classification, causes. *Daidzhest-Finansy*. 2016; 21(3):12–22. (In Russ.).
3. Mariev O. S., Glushenkova M. A., Trofimov A. A. Improvement of the methodological approaches to the identification of banking crises. *Vestnik URFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. 2013;(4):161–171. (In Russ.).
4. Claessens S. and Kose A. Financial crisis: Explanations, Types, and Implications. *IMF Working Paper*, Washington. 2013;(13/28):1–65.
5. Chaudron R. and de Haan J. Identifying and Dating Systemic Banking Crises Using Incidence and Size of Bank Failures. *De Nederlandsche Bank Working Paper*. 2014;(406):1–28.
6. Laeven L. and Valencia F. Systemic Banking Crises: An Update. *IMF Working Paper*, Washington. 2012;(12/163):1–32.
7. Von Hagen J. and Ho, T-K. Money Market Pressure and the Determinants of Banking Crises. *Journal of Money, Credit and Banking*. 2007;39(5):1037–1066.
8. Khol'nova E. G. Systemic banking crises as an inevitable consequence of the crisis of globalization of the economy. In: Global world: systemic shifts, challenges and contours of the future. Proceedings of XVII Lihachevsky International Scientific Readings. St. Petersburg: Spbgup; 2017. (In Russ.).
9. Dubinin S. K. The Russian banking system — a test of the crisis. *Den'gi i kredit*. 2015;(1):9–12. (In Russ.).
10. Demirgüç-Kunt A. and Detragiache E. Cross-Country Empirical Studies of Systemic Bank Distress: A Survey. *IMF Working Paper*. 2005;96(5):1–32.
11. Mamonov M. “Holes” in the capital of bankrupt Russian banks: Old factors and new hypotheses. *Ekonomicheskaya politika*. 2017;12(1):166–199. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Владимировна Лукачева — аспирант кафедры политической экономики, экономический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
jkzker@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga.V. Lukacheva — post-graduate student of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
jkzker@gmail.com